

Что кроется за шуточным эпитетом «заштатный», которым охарактеризовал себя Фет, подписывая собственную фотографию? Несколько лет назад поэт пришел к убеждению, что ему нет больше места в мире профессиональных литераторов. Он купил хутор в степной глуши Орловской губернии и погрузился в сельское хозяйство. Вопреки принятому было решению ничего не писать и не печатать, литературные занятия он полностью не оставил, но поэзия на длительное время перестала быть главным делом его жизни.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-49-55

© А. Г. ГРОДЕЦКАЯ

**«О СВОИХ СТИХАХ... КАК О ЧЕМ-ТО ПОСТОРОННЕМ»:
ПОЭЗИЯ ФЕТА В МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ
«РАННИХ ГОДОВ МОЕЙ ЖИЗНИ»**

Прочитав главы «Моих воспоминаний» в журнальной публикации, Я. П. Полонский с недоумением писал автору: «...я был уверен, что я пойму или, лучше сказать, подгляжу, откуда выбился наружу и какими извилинами потек источник твоей лирики? <...> Но... ты <...> познакомишь себя с публикой как улан — или военный. <...> Ты тут просто хороший человек и честный служака, и о своих стихах говоришь ты вскользь, как о чем-то постороннем».¹

Нельзя не признать справедливости этого замечания. И в «Ранних годах моей жизни», третьей мемуарной книге Фета, в ее «кирасирской» части, мемуарист прежде всего и преимущественно предстает, перефразируя фетовского корреспондента, как кирасир — или военный. Рассказ о трехлетней службе в 1853–1856 годах в лейб-гвардии уланском полку вошел в I–V главы первой части «Моих воспоминаний», в кирасирах Фет прослужил долгие восемь лет, чему посвящена значительная часть «Ранних годов моей жизни» (главы XXXII–LXVII). Из трех мемуарных книг, как отметил А. Е. Тархов, «можно выделить объемистый том, который будет целиком занят историей фетовского „военного поприща“. Эта эпоха сформировала из юного поэта зрелого мужа, оформила весь облик Фета — с тем его парадоксальным сочетанием „практика“ и „поэта“, „рациональности“ и „интуитивности“, которое так изумляло всегда близко знавших его людей».² Заслуживает напоминания и свидетельство Н. Н. Страхова, близко знавшего Фета в поздние годы: «...на Афанасии Афанасьевиче до конца были ясно видны два отпечатка: старого помещичьего быта, с его тонкою общительностью и изяществом жизни, и военной службы николаевских времен, с ее строгим пониманием власти и обязанности».³

О «кирасирской» части воспоминаний Фета ниже и пойдет речь. В апреле 1845 года, по окончании словесного отделения Московского университета, он поступает вольноопределяющимся в кирасирский Военного Ордена полк, один из армейских (не гвардейских) полков резервной российской кавалерии,

¹ Фет А. А. Переписка с Я. П. Полонским. 1846–1892 // Лит. наследство. 2008. Т. 103. А. А. Фет и его литературное окружение. Кн. 1. С. 670 (письмо от 14 августа 1888 года).

² Тархов А. Е. «Музыка груди» (О жизни и поэзии Афанасия Фета) // Фет А. А. Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 23.

³ Страхов Н. Н. Литературная критика: Сб. статей. СПб., 2000. С. 418.

имевший «оседлость», согласно официальной терминологии,⁴ в Херсонской губернии — в степи, что поэт неоднократно подчеркнет и в тексте мемуаров, и в переписке. Военную службу «вольноопределяющийся действительный студент из иностранцев», как он официально аттестовался, Фет начал в низшем унтер-офицерском чине, рассчитывая, как широко известно, с получением первого офицерского чина приобрести (и вернуть) потомственное дворянство. Зачисление в полк стало рубежом, резко обозначенным в финале университетской части мемуаров: «...связь моя с обычным прошлым расторгнута, <...> я от известного иду к неизвестному».⁵ «Обычное прошлое» составил рассказ о детстве, отрочестве и студенчестве — шести годах, прожитых в мезонине дома Григорьевых на Малой Полянке (главы XVIII–XXVII), в семье «добродушного и шутивого по природе» Александра Ивановича Григорьева, отца Аполлона, «человека совершенно беспечного» (3, 149), рассказ о жизни так же вполне беспечной в бытовом и человеческом плане и исключительно творчески и интеллектуально насыщенной. «...дом Григорьевых, — вспоминал Фет, — был истинною колыбелью моего умственного я...» (3, 149). В «обычном прошлом» остались увлечение поэзией, широчайшие философско-литературные интересы и горячие споры в студенческом кружке, в который, помимо Фета и Аполлона Григорьева, входили Я. П. Полонский, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, В. А. Черкасский и другие, общение с Боткиным, Герценом, Грановским, посещение литературных салонов и «так называемых интеллигентных домов» (Корши, Глинки, Павловы, Аксаковы, Новосильцовы), московские опера, балет и драма, университетская профессура, знакомая с поэзией Фета и благоволившая ему (С. П. Шевырев, М. П. Погодин, И. И. Давыдов, Д. Л. Крюков, Н. И. Крюлов). «Добрейший» Шевырев провожал Фета шампанским «и поздравлял со вступлением в новую жизнь» (3, 237).

Университетские годы были для Фета и временем творческого взлета — «чуть не ежедневных стихотворений» (3, 204), издания «Лирического пантеона» (1840), многочисленных журнальных публикаций. В годы кирасирской службы его муза молчит. Показательно признание мемуариста, уклоняющегося от пояснения причин ее молчания: «Не знаю почему, но в этот период моей жизни моя муза упорно безмолвствовала...» (3, 394). Подобного рода преднамеренное «незнание» или сознательное нежелание комментировать ту или иную ситуацию составляет характерную особенность автобиографической прозы Фета. Неслучайно Б. Я. Бухштаб писал в свое время о его «тайнописи»: «В жизни его было много событий, которые он привык скрывать и замазывать, и центральные факты его личной жизни (происхождение, романы, женитьба, отношения с сестрами и братьями и т. п.) описаны какой-то тайнописью, соединенной с явными измышлениями. Но и те события, в которых скрывать было нечего (как, скажем, поступление в офицеры, отставка, переселение в деревню), описываются лишь внешне правильно; пружины же, двигавшие поступками, неизменно утаиваются».⁶ И в данном случае рассуждать о «пружинах», заставлявших безмолвствовать его музу, мемуарист не считал возможным. В тексте мемуаров присутствует ряд суждений, служащих ключом к фетовской «тайнописи» как осознанному повествовательному принципу. Так, признаваясь в своем студенческом увлечении поэзией Гейне, он отме-

⁴ Хроника Российской Императорской армии, составленная по Высочайшему повелению. СПб., 1852. Ч. 5. 5 и 6-й пехотные и 1 и 2-й резервные кавалерийские корпуса. С. 330.

⁵ Фет А. А. Воспоминания. Репринт издания 1890–1893 гг.: [В 3 т.]. М., 1992. Т. 3. С. 237. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

⁶ Бухштаб Б. Я. Судьба литературного наследия А. А. Фета // Бухштаб Б. Я. Фет и другие: Избр. работы. СПб., 2000. С. 191.

чает в качестве его главного достоинства «манеру говорить не о влиянии одного предмета на другой, а только об этих предметах, вынуждая читателя самого чувствовать эти соотношения в общей картине...» (3, 209). Фет-мемуарист сознательно отказывается от аналитики, прежде всего психологической, не стремясь объяснить ни характеры людей, о которых ведет речь, ни логику их поступков, не делится он с читателем и результатами «принужденного самонаблюдения» (3, 548), особенно важного для него, по его собственному признанию, в годы кирасирской службы. В «Предисловии» ко второй части «Фауста», обращаясь к читателям и рассуждая о необходимости «заменять аналитический прием синтетическим», Фет призывал «идти навстречу нашей мысли, на которую мы можем только намекнуть».⁷

Герой «кирасирской» части мемуаров попадает в «неведомый мир» (3, 263), в степную, провинциальную глушь Херсонской губернии, в жесткую и грубую реальность армейской службы. Живя в первые годы в «стеснении, граничившем с нищетою» (3, 318), остро сознавая «ничтожность» своей «служебной роли» (3, 322), он проходит все испытания социальной зависимости — социальное самоощущение героя воспоминаний составляет в них один из самых драматических мотивов. Унтер-офицерский чин лишил его обладателя «даже возможности передвижения с места на место» (3, 330), и лишь первый обер-офицерский чин (в кавалерии — корнет) позволил покинуть расположение полка. Исчерпывающую характеристику «новой жизни» вчерашнего московского студента находим у Г. П. Блока, биографа поэта: «Фет вступает в офицерскую среду, умственно мертвую и нравственно распушенную, резко отличную по своим интересам и обычаям от того передового высокоинтеллигентного круга, в котором Фет вращался в Москве. Офицеры подсмеиваются над мешковатостью Фета, над его недостаточно высоким для кирасира ростом и над его поэзией. Про него сочиняют стишки: Ах ты, Фет, / Не поэт. / А в мешке мякина... / Резко изменяется и сам Фет: из разгульного лентяя-студента он быстро преобразается в подтянутого служаку-фронтовика».⁸

Заслужив за годы службы репутацию «усердного и исполнительного» офицера, добросовестного «служаки» (3, 281, 324, 350), Фет в 1849 году получает чин поручика, в 1851-м — штабс-ротмистра (X класс по Табели о рангах), с 1849 и до перехода в 1853 году в гвардию состоит полковым адъютантом. Но по Высочайшему указу от 11 июня 1845 года права потомственного дворянства предоставлялись только по получении первого штаб-офицерского чина, в кавалерии — ротмистра (VIII класс по Табели о рангах). Жизнь, как рассуждает мемуарист в «Моих воспоминаниях», не раз эту мысль в разной форме повторяя, «причудливо уводит нас совершенно не по тем путям, которые мы так усердно прокладывали и расчищали» (2, 329). «Кирасирская» часть воспоминаний завершается признанием: «Когда я сличаю свою нравственную распушенность и лень на школьной и университетской скамьях с принужденным самонаблюдением и выдержкой во время трудной адъютантской службы, то должен сказать, что кирасирский Военного Ордена полк был для меня возбуждающей школой» (3, 548). Как отмечал Б. В. Никольский, горячий поклонник поэта, редактор его Полного собрания стихотворений, героические элементы были «безусловно чужды поэзии Фета», но сам он являл «героический пример мужественной и верующей стойкости».⁹ «Самые горькие

⁷ Фет А. А. Предисловие и комментарий ко II-й части «Фауста» Гете / Публ. Н. П. Генераловой // 175 лет со дня рождения А. А. Фета: Сб. науч. трудов. Курск, 1996. С. 72.

⁸ Блок Г. П. Летопись жизни А. А. Фета / Публ. Б. Я. Бухштаба // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 292.

⁹ Никольский Б. В. Основные элементы лирики Фета // Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. СПб., 1901. Т. 1. С. LXIX, LXXIII.

и тяжелые чувства имеют у него бесподобную меру трезвости и самообладания», — свидетельствовал Н. Н. Страхов.¹⁰

В «Ранних годах моей жизни» Фет-поэт и Фет-корнет, позднее поручик, предстают персонажами в достаточной степени разделенными, как и в сложившемся и укоренившемся в обыденном восприятии «двойном» биографическом образе поэта, «лирика» и «практика». Мемуарист как будто сознательно смещает Фета-поэта и его поэзию из центра на периферию мемуарного повествования. Фет-поэт на страницах мемуаров — эпизодический персонаж, и сюжет «встреч» с ним организован как последовательность эпизодов, в большинстве своем беглых, мимолетных. Однако это именно последовательно выстроенный, композиционно организованный сюжет, имеющий свою внутреннюю драматургию — с завязкой, развитием, кульминацией и драматическим финалом. Характерно, что повествовательная модальность и спектр авторских эмоций в этом внутреннем «поэтическом» сюжете разнообразны и богаты оттенками, от комических, иронических до открыто патетических.

Начальный эпизод в сюжете «встреч» с Фетом-поэтом находим в XXXI главе, в рассказе о прибытии поступившего в кирасиры выпускника Московского университета в штаб кавалерийской дивизии. Первым из встреченных им офицеров был старший дивизионный адъютант ротмистр Малеванный. «— Позвольте вас спросить, — сказал он, обращаясь ко мне, — не родственник ли вам тот Фет, которого имя часто встречается на страницах „Отечественных“ записок“? / — Это я сам, — отвечал я, — причем Малеванный взглянул на меня с гораздо большим удивлением, чем я глядел на красный лоскут корпусного командира» (3, 266).

Любопытен и эпизод (глава XL), когда во время конного смотра в манеже к стихам Фета проявил интерес «сам Эссен» (т. е. генерал-лейтенант А. А. Эссен, командующий 2-й кирасирской дивизией, в которую входил Орденский полк). «Замечал ли он опытным глазом мое рвение на службе, — поясняет мемуарист, — или по какой-либо другой причине желал оказать мне ласку, но однажды, поздоровавшись с шеренгой, он спросил меня: „Не написали ли вы какую-нибудь новую поэзию?“» (Фраза, очевидно буквально переведенная с французского) (3, 340).

Нельзя не отметить попутно, что в «кирасирской» части мемуаров с безукоризненной точностью воспроизведены реалии кавалерийской службы — строгая иерархическая система подразделений и формирований (корпус, дивизия, полк, дивизион и т. д.), чинов и званий, знаков отличия, вооружения и обмундирования кирасирских и уланских полков.

Поскольку речь выше шла о сюжетно организованной последовательности эпизодов, стоит также остановиться и на особенностях поэтики фетовских мемуаров, объединенных единством композиционно-структурных и повествовательно-стилевых принципов, выдержанных на всем протяжении текста. В той или иной степени они описаны, хотя едва ли исследованы во всей полноте.¹¹ Фетовский стиль, в том числе и стиль его публицистики и мемуаристики, что убедительно продемонстрировал в своих работах В. А. Кошелев, «конструировался прежде всего на основе фетовской лирики», вследствие чего и его очерки «не должны были „выделяться“ из его стиля».¹² Не раз отмеча-

¹⁰ Страхов Н. Н. Литературная критика. С. 426.

¹¹ См., например: Черемисинова Л. И. Проза А. А. Фета. Саратов, 2008. С. 342–344, 358–366.

¹² Кошелев В. А. Афанасий Фет: Преодоление мифов. Курск, 2006. С. 163. См. также: Ауэр А. П. Взаимодействие стиха и прозы как проявление индивидуального стиля А. А. Фета // Взаимодействие творческих индивидуальностей писателей XIX — начала XX века. М., 1991. С. 50–58; Михайлова С. Ю. А. А. Фет: стихи и проза — единый план (деревенские очерки, критические

лось, к примеру, характерное для Фета-лирика внимание к мигу, к ускользающему мгновению или потоку мгновений, а вместе с тем и к конкретной детали («Кульмента — принципиальная творческая установка Фета...»¹³), то же свойство сохраняет и его автобиографическая проза: в ней внимание мемуариста сосредоточено на эпизоде, на единичном случае, миг в его мемуарах «обретает длительность».¹⁴ В свое время этой особенности лирики Фета выразительное определение дал Н. Н. Страхов, назвавший поэта певцом «быстрых мгновений»: «...он не выбирает предметов, а ловит каждый, часто самый простой случай жизни; он не составляет сложных картин и не разворачивает целого ряда мыслей, а останавливается на одной фигуре, на одном повороте чувства».¹⁵ Это наблюдение можно отнести и к лирике Фета, и к его мемуарной прозе. Вторя Страхову, о мгновенных фетовских «аккордах живой жизни» писал и Б. В. Никольский, видевший в элементах поэтики отражение жизненной философии поэта, его убежденности в мгновенности и преходящести жизненных событий и явлений.¹⁶ Фрагментарность, беглость, эскизность описаний¹⁷ составляют важнейший художественный принцип мемуариста, организующий как строение текста, так и его неявные, имплицитные, открыто не декларируемые смыслы.¹⁸

Следующий этап развития «поэтического» сюжета, далеко не эпизодический и не «мгновенный», — «многозначительное» знакомство мемуариста с четой А. Ф. и А. Л. Бржеских. История отношений Фета с Бржескими как во время его службы, так и по ее окончании достаточно подробно исследована и едва ли нуждается в повторном изложении.¹⁹ Но несомненно, заслуживает цитирования редкое по эмоциональности восклицание мемуариста в XXXV главе: «О мой дорогой, мой лучший друг поэт! могу ли я без умиления вспомнить годы нашей встречи и дружбы? / В наших взаимных отношениях никакое злоречие не могло бы отыскать ничего, кроме взаимной страсти к поэзии, страсти, которая кажется так смешна людям толпы и которая с таким восторгом высказывается там, где она встречает горячее сочувствие» (3, 302).

В очередном эпизоде того же «поэтического» сюжета (глава XXXVIII) бытовое течение армейской жизни нарушается почти сказочно — и эту сказочность повествователь обыгрывает: «на пороге» внезапно возникает неизвестный персонаж, прибывший для встречи с поэтом: «Однажды дверь отворилась, и на пороге явился молодой офицер с быстрыми глазами и орлиным носом.

— Мне сказали, — проговорил он, — что здесь живет юнкер Фет.

— К вашим услугам, — отвечал я.

— Позвольте рекомендоваться, поручик Громека, усердный ваш поклонник; я полковой адъютант полковника Трубникова, который в свою очередь

статьи, воспоминания, переводы, рассказы, лирика) // А. А. Фет и русская литература: Материалы всероссийской науч. конф. «XV Фетовские чтения». Курск; Орел, 2000. С. 37–45, и др.

¹³ Мышьякова Н. М. Проблемы поэтики А. А. Фета: Учеб. пособие. Оренбург, 2004. С. 69 (ранее: Мышьякова Н. М. К вопросу о творческом методе А. Фета // А. А. Фет. Проблемы творческого метода, традиции: Межвузовский сб. науч. трудов. Курск, 1989. С. 18).

¹⁴ Коковина Н. З. Поэтика воспоминаний в художественном мире А. Фета // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества: Сб. науч. статей и материалов XIII Фетовских чтений. Курск, 1998. С. 21.

¹⁵ Страхов Н. Н. Литературная критика. С. 425.

¹⁶ Никольский Б. В. Основные элементы лирики Фета. С. LXXIX.

¹⁷ См.: Черемисинова Л. И. Проза А. А. Фета. С. 342–344.

¹⁸ О последних см., например: Фаустов А. А. Судьба, пространство и статус лица у Ф. И. Тютчева и А. А. Фета // Фаустов А. А. Язык переживания русской литературы. На пути к середине XIX века. Воронеж, 1998. С. 87–113.

¹⁹ См.: Блок Г. П. Фет и Бржеская // Начала. 1922. № 2. С. 106–123; Кузьмина И. А. Действующие лица «Кактуса» (По неопубликованным письмам А. Л. Бржеской) // Русская литература. 2008. № 2. С. 131–143, и др.

жаждет с вами познакомиться; надеюсь, вы будете так любезны и позволите похитить себя прямо в наш пехотный лагерь.

— Помилуйте, возможно ли это, — отвечал я, — нижним чинам всякая езда запрещена.

— Вы только заявите согласие, и я перенесу вас на ковре-самолете» (3, 323).

Интригу эпизода, мемуаристом никак не отмеченную, составляет то, что поручик, полковой адъютант пехотного (не кавалерийского) полка,²⁰ — это будущий известный публицист С. С. Громека.²¹ Так литература — не названная — вновь напоминает о себе по ходу повествования. Препятствием к встрече поэта с жаждавшим с ним познакомиться полковником служил его чин, и мемуарист поясняет: «— Как! — воскликнул я, — нижний чин, я в солдатском мундире поеду с вами по дороге, кишашей генералами...» (3, 330). Однако нарушающая служебный регламент встреча «кирасирского унтер-офицера, в толстом мундире» с «любезным полковым командиром» чудесным образом состоялась, рассказ о ней помещен в следующей XXXIX главе. И эту же главу заключает еще один эпизод вторжения поэзии в жизнь «нижнего чина». В доме родителей Громеки, будучи приглашен и к ним, он случайно встречает А. И. Подолинского, при этом Громека-сын восклицает: «— Как же вы не знаете Подолинского?! поэта? автора поэмы „Див и пери“?». Далее следует комическая — именно так она изображена мемуаристом — сцена: увидев известного поэта, мадам Громека, «как подрубленное деревцо, навзничь грянулась на пол. Голова несчастной женщины гулко ударилась в половицу». «Не желая быть лишним, — не без иронии заключает повествователь, — я удалился и по сей день не знаю ни причины, ни значения этой сцены». Здесь вновь мы имеем дело с демонстративным авторским «незнанием». Однако комической сцене предшествовал убедительный комментарий: «Люди нашего поколения, не исключая и Тургенева, говорят об особенном чувстве не то изумления, не то уважения, которыми мы наполнялись при встрече воочию с поэтом» (3, 332).

Очередной эпизод в сюжете «встреч» с Фетом-поэтом заключает XLVI главу. «Я был бы весьма непризнателен, — сообщает мемуарист, — если бы не упомянул в числе офицеров, по временам появлявшихся в Елисаветграде, и милого, образованного, начитанного поручика уланского полка Экельна, одного из самых пламенных поклонников моей музыки. Свою симпатию к поэту он не только перенес на человека, но умел чувство дружбы ко мне внушить и своей молоденькой жене, миниатюрной блондинке, напоминавшей больную канарейку. Наши отрадные встречи продолжались не более года, так как на другой год Экельны исчезли с нашего горизонта, и он получил место в Петербурге, в Главном штабе.

Гораздо позднее того времени, о котором я здесь говорю, слуга мой сказал, что видел Экельна, и что он теперь уже в штаб-офицерских эполетах. В тот же день Экельн разыскал меня, и мы по старине предались тому, что Пушкин выражает словами:

Поговорим, мой милый,
О Шиллере, о славе, о любви. <...>

²⁰ О полковнике пехотного принца Карла Пруссского полка Я. И. Трубникове см.: Волков С. В. Генералитет Российской империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. 2. С. 602.

²¹ В «Моих воспоминаниях» содержится рассказ о встречах Фета с С. С. Громекой летом 1857 года в Москве, здесь же опубликованы два его письма (1, 193, 211, 222, 226).

Судьба привела меня позднее в Петербург, где я несколько дней провел с прелестною четою Экельнов; <...> и это было нашим последним свиданием. Сначала милая канареечка жена его не перенесла петербургского климата, а затем и сам он угас на самом расцвете жизни» (3, 388). Отрадные «мгновения» общения с четою Экельнов в Елисаветграде, как видим, имеют в тексте продолжение и завершение, и это один из редких развернутых во времени и сюжетно завершенных эпизодов, тогда как большинство беглых знакомств сюжетного продолжения не получают.

Венчает развитие «поэтического» сюжета встреча мемуариста в Федоровке, имении Петковичей, с Еленой Лариной (Марией Лазич): «...я скоро изумлен был ее обширным знакомством с моими любимыми поэтами. И между прочим, она первая познакомила меня с поэмой Тургенева „Параша“. <...> Но главным полем сближения послужила нам Жорж Санд с ее очаровательным языком, вдохновенными описаниями природы и совершенно новыми небывалыми отношениями влюбленных» (3, 431).

Еще поразительнее признание мемуариста, следующее за этими откровениями: «Только после некоторого продолжительного знакомства с m-lle Hé-lène, как я ее называл, я узнал, что она почти с детства любила мои стихотворения. Не подлежало сомнению, что она давно поняла задушевный трепет, с каким я вступал в симпатичную ее атмосферу» (3, 431–432).

В эпизодах встреч с Фетом-поэтом Елены Лариной полностью вытесненным на периферию повествования оказывается Фет-кирасир. Трагический финал «поэтического» сюжета хорошо известен.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-55-64

© Н. П. ГЕНЕРАЛОВА

А. А. ФЕТ О КНИГЕ И КРУГЕ ЧТЕНИЯ (ПИСЬМО К М. М. ЛЕДЕРЛЕ ОТ 25 ИЮНЯ 1891 ГОДА)*

Известный в свое время издатель и книгопродавец (его книжный магазин располагался в доме армянской церкви на Невском проспекте, 42) Михаил Михайлович Ледерле (1857–1908) не входил в число постоянных корреспондентов А. А. Фета. Похоже, их общение было заочным и ограничилось единственным письмом поэта, которое стало ответом на циркулярное послание Ледерле, разосланное им значительному числу писателей, ученых, педагогов и других видных представителей русской интеллигенции в связи с задуманной им книгой. Книга эта вышла в свет уже после кончины Фета, последовавшей 21 ноября 1892 года. Называлась она «Мнения русских людей о лучших книгах для чтения».¹

Появлению книги способствовало несколько причин. Во-первых, М. М. Ледерле, который основал в 1889 году собственное издательство, называвшееся просто и непритязательно «Издание М. М. Ледерле и К^о», было важно составить как можно более полное представление о потребностях книжного рынка. Во-вторых, его, как человека просвещенного, интересовало мнение о лучших

* За помощь в подготовке данной публикации сердечно благодарю И. А. Кузьмину.

¹ Мнения русских людей о лучших книгах для чтения. СПб.: Издание М. М. Ледерле и К^о, 1895.